

Однако удар Вернона оказался сильнее, так как он был вынужден отпустить руку Гарри: молодой волшебник осторожно повернул его плечо и покрутил рукой, пытаясь заставить кровь снова течь. Однако Вернон не собирался отпускать то, что, по его обезьяньему мнению, принадлежало ему по праву.

Вскарабкавшись на ноги, Вернон попытался нанести ответный удар Дэну... вместо этого он ударил Гарри, отправив юного волшебника в полет, и на пол полетели сундуки и клетка Хедвиг, указывая на место падения Гарри, ребра которого ударились о поручень тележки.

Это стало для Дэна последней каплей: то, что Гарри схватил этот человек, привело его в ярость; то, что Гарри был ранен, пока Дэн пытался его защитить, привело его в ярость, но то, что Гарри, обладая рефлексам, которые можно назвать острыми как бритва, прыгнул на пути этого человеческого локомотива, чтобы не дать ему причинить вред Грейнджер... а затем то, что Гарри был ранен, его рёбра сломались, а изо рта потекла кровь, стало для Дэна последней каплей.

Развернувшись, он со всей своей скоростью нанес удар, зацепив Вернона передней частью ботинок со стальной подошвой. Толстяк покатился по полу, а Дэн подошел к нему и, наступив Вернону на грудь, предупредил: "Никогда не называй детей своей собственностью и не смей больше приближаться ко мне или моей семье, включая Гарри; если ты это сделаешь, я не буду отвечать за то, что случится".

Вернувшись на платформу, Дэн обнаружил Гарри, который, пошатываясь, поднимался на ноги, поддерживая рукой бок, и обратился к Дэну: "Ты... ты в порядке, Дэн?" - спросил он, сдерживая приступ боли, пока собирал свои вещи.

"Я в порядке, Гарри", - ответил Дэн, - "Но... что насчет..."

"Плотская рана", - ответил Гарри, - "Он едва пробил кожу, не говоря уже о кости: либо он слабеет, либо твой бросок оказался более эффективным, чем мы думали".

С помощью Гермионы Гарри удалось собрать свои вещи, Хедвиг визжала от боли, как человек, переживший дежавю, и в то же время испытывала сильное чувство беспокойства за своего хозяина. Только когда Грейнджеры, которым пришлось сообщить охране станции о том, что они везут Гарри к специалисту для лечения его ран, смогли донести свои вещи до машины, Гарри снова заговорил: "Добби?".

С характерным треском Добби предстал перед Гарри, его глаза расширились от шока, когда он увидел своего друга раненым: "Кто посмел причинить вред Гарри Поттеру, сэр?"

"Ничего, Добби, - задыхался Гарри, вытирая кровь с губ и морщась от боли в боку, - я хочу, чтобы ты отнёс наши вещи в дом Грейнджер, а потом сообщил мадам Помфри, что мне может понадобиться её помощь".

"Немедленно, сэр", - ответил Добби и исчез щелчком пальцев; мгновение спустя их сундуки и клетка Хедвиг тоже исчезли, оставив Гарри в машине Грейнджеров, где Гермиона настояла на том, чтобы он положил голову ей на колени.

Дэн и Эмма, тем временем, всё ещё чувствовали страх, связанный с выбором слов Гарри о его состоянии: либо толстяк схлестнул, либо бросок Дэна оказался более эффективным, чем думал Гарри. И снова Дэн почувствовал, что его мысли корректируются, глядя на дочь, утешающую мальчика... нет, мужчину, которого она любит: назвать Гарри мужчиной - единственное, что Дэн мог сделать. Нужно было обладать огромным мужеством и силой, чтобы с улыбкой пройти через такое испытание, но говорить, что могло быть и хуже, было все равно что сравнивать разрушения от торнадо с извержением вулкана.

Когда он тренировался в полиции, Дэн видел, как многие новички бледнели от страха перед такой болью и таким чудовищем, но, видя, как Гарри не только терпит это, не только смеётся над этим, но и буквально ныряет под такую атаку, что Дэн мог с тем же успехом быть VIP-персоной, сказал патриарху Грейнджеров всё, что ему нужно было знать. Эмоции Гарри были основаны на уважении к тем, кого он держал рядом с собой: Гермиона значила для него весь мир, и через нее он знал, что ее родители считаются членами этого мира, а это стоило того, чтобы поставить на кон собственное здоровье. Дэн окончательно смирился с тем, что Гарри - единственный для Гермионы, и, если это будет последним, что он сделает, Дэн позаботится о том, чтобы услышать, как Гарри называет Грейнджеров своей семьей.

Эмма тем временем думала о своем отце, который служил на войне и боролся с силами, которые не может понять ни один ребенок: каждый раз, когда он возвращался, он рассказывал ей истории о боли и раздражении, которые он испытывал, зная, что мужчины, женщины и дети умирают ради алчности и эго своей страны и ее лидеров. Он говорил ей, что смотреть в глаза невинных и хладнокровно убивать их - это тьма, которую никто никогда не должен понять, но наблюдать эту боль и знать, что ты должен смеяться над ней, - это уровень эмоциональной черноты, которой обладают лишь немногие избранные, и, когда ты обретаешь эту черноту, ты можешь смело называть себя воином.

Теперь Эмма Грейнджер поняла, что имел в виду её отец: она нашла этого воина и увидела его черноту; она увидела его сердце и увидела, как он бросился на защиту невинных, даже если на кон была поставлена его жизнь:

Этого воина звали Гарри Поттер, и, если это будет последним, что она сделает, Эмма была полна решимости сделать так, чтобы Гарри пролил свет на эту черноту, ведь её отец также дал ей предупреждение;

"Если ты когда-нибудь встретишь черноту, Эми, - сказал он ей, - не позволяй ей поглотить тебя, так как она оставит твоё сердце холодным, как сама смерть, а любовь, семья и уважение - всё это улетит в окно".

Я не позволю отцу, - думала Эмма, глядя, как Дэн сворачивает с дороги в сторону их дома, - я защищу Гарри от его черноты: ради всех нас, но в первую очередь ради него".

HPHG

<http://tl.rulate.ru/book/106183/3815430>